

На исповеди

Окончив службу, настоятель Покровской церкви протоиерей Пантелеймон уже собирался покинуть храм и направить свои стопы к благоверной матушке, как вдруг свершилось чудо. Разверзлась твердь небесная, и с заоблачных весей на грешную землю сошёл сам господь бог. Вошёл в церковь, стал у амвона и, простерев длань к настоятелю, изрёк:

— Ну, слуга господний, настал и твой час страшного суда.

Услышав глас божий, отец Пантелеймон хотел спрятаться в алтаре, но бог погрозил ему перстом. Запутавшись в полах подрясника, батюшка пал на колени, а с головы сама собой свалилась скуфья. Он попытался сотворить крестное знамение, но непослушная рука крестила лишь рот, который был так широко раскрыт, словно пел «Многая лета».

— Како веруешь? Паства в послушаньи ли пребывает? — спросил протоиерея всевышний.

— Грешен, боже... Какие нынче наши дела... Не токмо средь прихожан, в церковной двадцатке мира и согласия нет. А мне, пастырю духовному, и вовсе житья не стало. Рабы божьи — Мария Писарева да Анна Яковлева проходу не дают, при встрече вопият во всеуслышанье:

— Ты нами живёшь. Нашими подаяниями кормишься!

— С помощью божьей, с помощью, — вразумлял попа бог.

— Меня из храма прогнать грозятся, а сами службу посещать не стали. Глаголят, что верующие в святую церковь не грехи замаливать ходят, а ругаться да сплетничать.

— По воле божьей, по воле...

Не успев закончить фразу, бог вдруг заметил, что все лики святых, намалёванных в церкви, устремились в сторону отца настоятеля, и, сразу поняв, в чём дело, продолжил:

— А ведомо мне, и ты, протоиерей, во храме перед службой с церковным старостой срамился, да верующие разняли.

Прежде чем покаяться в грехе, батюшка вознёс очи к небу, перекрестился и в поклоне гулко стукнулся лбом об пол. Нарисованные на стенах ангелы испуганно замахали крыльями. В благодарность за ревностное моление святой дух тут же ниспослал на потерпевший батюшкин лоб приличную шишку. Ощупав сию награду, отец Пантелеймон ободрился.

— Староста Моторин, — продолжил он своё покаяние, — для нужд храма приобрёл бочку краденного гарного масла...

— По наущению нашему, по наущению...

— А милиция сие масло изъяла...

— По закону, — вновь прервал бог, — по закону. Рассказывай далее.

— Староста вкупе с бывшим настоятелем отцом Владимиром зело грешили. В тумбах, куда прихожане пожертвование приносили, по вскрытии денег лишь малая толика пребывала. Зато в Загорске отец Владимир себе домик построил, да и староста не в обиде был.

— Во здравие, во здравие...

— Когда же церковная двадцатка отстранила старосту от должности, распалился он, разгневался, а пуще на меня. Ведь самому патриарху и епископу Исаяе жаловался, за «правду» ратоборствовал.

— А ты, протоиереи, как свой дом ремонтировал?

— Помилуй, господи...

Отец Пантелеймон не стал вдаваться в подробности, а поспешил продолжить начатый им рассказ.

— Ещё, боже, кто-то из верующих обо мне анонимные письма пишет. Де, мол, верующих на дому с требами не обслуживаю, православные помирают без причастия, деньги церковные присваиваю... Покарай кляузников...

Бог в нерешительности задумался.

— Покарать-то бы можно, да кто же христианам пример благочестия и кротости являть будет? — спросил он отца-настоятеля.

Протоиерей молчал.

— Не отвечаешь? Сам в моей помощи усомнился. На рабов божьих Писареву и Яковлеву заявление в милицию подал, просил оградить тебя от нападков верующих. Почему не к всевышнему, а к начальнику милиции обратился?

— До тебя, боже, высоко, а в милицию-то надёжней.

Поп вновь стал отбивать поклоны, а когда распрямил свою согбенную спину, бога в церкви уже не было: он убрался в небесную канцелярию.

Читатель! Никакого чуда в Покровской церкви не свершилось, и приведённого в фельетоне разговора попа с богом не было — это домысел автора. Что же касается изложенных здесь фактов — они достоверны.